

Ася Аладжалова —

исследовательница моды,
аспирантка Аспирантской школы
по искусству и дизайну НИУ ВШЭ,
коллекционер винтажной одежды.
asia.aladjalova@gmail.com

Видимая и невидимая география московской швейной индустрии 1900–1930-х годов

Аннотация

Данная работа посвящена вопросам территорий моды, а именно географии московской швейной промышленности в эпоху НЭПа и первой пятилетки. Если в дореволюционный период адреса швейных мастерских не публиковались в открытых источниках и потому выпадали из зоны видимости горожан, то в период между 1923 и 1936 годами адресные книги публикуют не только адреса фабрик, но и другие подробности: число рабочих, имена руководителей и перечень ассортиментных позиций. Таким образом, модная география Москвы в этот период значительно расширилась по сравнению с дореволюционным, так как включила в себя фабричные районы, не фигурировавшие ранее среди локаций, связанных с пошивом одежды.

Основную часть статьи занимает путеводитель по адресам фабрик треста «Москвошвей». Исследование этих адресов спровоцировало появление целого ряда вопросов: о профессиональном швейном образовании (в частности, женском), о рекламе в модной

индустрии рубежа XIX–XX веков, о невидимости и бесправии работниц швейной отрасли. Работа на границе между теорией моды и краеведением заставила обратиться к таким неординарным источникам, как адресные книги, и задуматься о вопросах памяти в городском пространстве.

Ключевые слова: Москва; швейная промышленность; 1920-е годы; индустрия моды; работница; портниха; невидимый труд; территории моды.

Введение

География массовой швейной промышленности до сих пор остается практически невидимой для потребителей модных товаров, так как производители одежды склонны связывать свою продукцию в сознании покупателей с местами, где создается дизайн или где совершается покупка, — чаще всего это локации центральных улиц столиц моды. В то время как сама одежда отшивается в совсем иных условиях: это могут быть помещения, мало приспособленные к тому, чтобы в них подолгу работали швеи: тесные, плохо отапливаемые зимой и душные летом, недостаточно освещенные, расположенные на окраинах городов — или вообще это могут быть потогонные мастерские в развивающихся странах (Крю 2020: 57). В контексте истории московской швейной индустрии дореволюционного периода происходит то же самое: адреса модных магазинов значились в адресных книгах и, следовательно, были известны горожанам; они располагались, как правило, в самых престижных районах: Петровка, Тверская, Кузнецкий Мост, Верхние торговые ряды. Эти адреса и формировали представление о географии моды того периода. В то время как адреса мастерских и фабрик, отшивавших продукцию для этих магазинов, не афишировались в публичном пространстве, то есть оставались невидимыми. Процесс обнаружения этих невидимых адресов напоминает настоящее детективное расследование: чтобы выяснить, где располагались мастерские того или иного торгового дома до революции, надо свериться с картой города, найти участки земли и дома, записанные на его владельцев, и изучить адресные книги не за один год, а за целое десятилетие.

Советская довоенная карта московской швейной промышленности просматривается яснее: с 1923 по 1936 год адресные книги исправно сообщали горожанам об адресах как государственных фабрик, так и артелей кооперации и частных мастерских. Наше исследование во многом стало возможным благодаря тому, что в 1927 году в адресной

книге «Вся Москва» были обнародованы и указаны в скобках бывшие владельцы многих предприятий швейной и мануфактурной промышленности города. Эта деталь позволила раскрыть дореволюционную историю фабрик треста «Москвошвей» и связать многие разрозненные факты в одну цепочку.

Такие источники, как адресные книги и телефонные справочники, — довольно неординарный выбор для историка моды. Мы остановились на них потому, что по ним проще всего проследить историю предприятия, включая смену владельцев в период национализации, а также установить собственника участка и его границы, что позволяет определить нынешний адрес здания, если оно сохранилось до наших дней. Адресными книгами активно пользуются авторы работ краеведческого характера, составляющие поквартальные исторические справочники улиц. Их опыт и подсказал нам выбор источника. Как пишет Фелис Макдауэлл, «сама история определяется тем, какие источники исследователь решит изучить, учесть, упорядочить и предъявить» (Макдауэлл 2023: 154), таким образом, наша работа выходит за рамки истории моды и становится отчасти краеведческой. Адресные книги могут дать информацию не только в области географии швейной промышленности: при подробном изучении выяснилось, что сквозь призму адресных книг можно выстроить довольно специфический взгляд на сферу моды и одежды 1900–1930-х годов.

Адресная книга — это в первую очередь отражение структуры привычной повседневной реальности. Если говорить о швейной индустрии, то на протяжении первых полутора десятка лет XX века в них из выпуска в выпуск повторяются рубрики: «Белье», «Вышивки», «Галстуки», «Корсеты», «Модные магазины», «Платки», «Платье готовое», «Портнихи», «Портные», «Тамбурно-вышивальные мастерские», «Торговые дома», «Шляпы». В 1916 году важными для исследования становятся еще и рубрики «Обмундировальные мастерские» и «Офицерские вещи». Благодаря рубрике мы можем сложить картину швейной отрасли таким образом, каким ее видели современники, и убедиться, что наряду со сферой продажи готового платья существовал рынок портновских услуг, то есть изготовления на заказ. И что параллельно с ними существовали рынки мануфактуры, портновского приклада (сюда входила фурнитура типа крючков для застегивания платья), лентоткацких и бахромных изделий, вышивок и прошивок — одним словом, чтобы сшить одно платье, нужно было приобрести товары множества производителей, указанных в разных рубриках адресной книги. К началу же 1930-х годов структура книг была перестроена с учетом деления по отраслям промышленности

и старые наименования «Белье», «Вышивки», «Галстуки», «Платки», «Платье готовое» объединились в разделе «Швейная промышленность» с указаниями адресов фабрик. При этом пошив на заказ и адреса магазинов оказались вынесенными в отдельный том книги, посвященный сфере бытового обслуживания горожан. Мы видим в этом попытку унифицировать содержание книги и сделать его удобным для нового поколения читателей и новой инфраструктуры города.

Помимо этого, тексты адресных книг могут стать предметом исследования, проливающим свет на историю индустрии. В дореволюционных выпусках швейная отрасль не злоупотребляла рекламой: так, в 1916 году в рубрике «Портнихи» числится 466 имен, при этом никто из них не дал платной рекламы (Вся Москва 1916: 546–554); а в рубрике «Платье готовое» на 189 наименований приходится всего одно рекламное объявление (Там же: 530–534). Лидерами по объему рекламы до революции были банки и страховые общества (соответственно девять и четыре объявления в начале книги, в специальном рекламном отделе). Учитывая, что даже такая финансово успешная портниха, как Надежда Ламанова, не давала в адресных книгах платной рекламы своих услуг, вопрос, кажется, был не в экономической составляющей, а в установках и внутренних нормах индустрии (Там же: 550). Анализ структуры рубрик и текстов превращает адресные книги в весьма любопытный источник для исследователя.

Что же касается темы данного исследования, то есть географии швейной промышленности, то в адресных книгах она отражена наиболее ярко. Из них становится ясно, какие районы города были связаны со швейной, трикотажной, ткацкой промышленностью, а какие — с мясной или химической. К примеру, в рубрике «Платье готовое» в книге за 1916 год представлена география магазинов и мастерских. Проанализировав цифры, мы можем выявить наиболее активные в этой сфере районы города. В сегменте совершенно ожидаемо лидируют улицы Тверская (27 позиций), Петровка (9), Софийка (8), Кузнецкий Мост (7), так как эти локации считались престижными и связанными с потреблением предметов моды. Но совершенно неожиданным является большое число предприятий готового платья на Садовнической улице (13), на Немецком (4) и Смоленском (7) рынках и в окрестностях Сухаревской площади (8) (Там же: 530–535). Эти районы никогда не воспринимались как модные, почему там так много предприятий? Дело в том, что все эти локации были связаны с рыночной торговлей (на плане города 1915 года возле Устьинского моста на Садовнической улице тоже значится толкучий рынок) (План 1915). Таким образом, адресная книга дает информацию не только о самой

географии, но и о тех факторах, которые влияли на нее: организация предприятий готового платья в нереспектабельных районах была продиктована близостью толкучих рынков, где шла торговля дешевым конфекционным товаром. Дореволюционные читатели, надо думать, понимали, какого сорта товар можно было купить на Кузнецком Мосту, а какого — на Садовнической улице. И самое важное в рамках данного исследования: на страницах адресных книг можно найти информацию о том, расположение каких своих подразделений предприятие считало нужным обнародовать, а какие держать в тайне: например, адреса торговых точек, контор, оптовых складов всегда указывались в справочниках, в то время как месторасположение мастерских, где отшивалась продукция, в книгах до 1920-х годов значится редко.

Говоря образно, географию швейной индустрии Москвы можно представить себе в виде карты с горящими и потухшими лампочками на месте различных предприятий, где свет будет указывать на видимость локации для москвичей, то есть на ее присутствие в адресных книгах и других открытых источниках. С течением времени, между 1900-ми и 1930-ми годами, на карте будут происходить изменения: несмотря на то что большинство крупных предприятий продолжит свою работу в течение всего периода, режим видимости сильно изменится. Если на ранних картах гореть будут лампочки исключительно в районе Верхних торговых рядов и магазинов Кузнецкого Моста, то в 1920-х годах на карте ярко вспыхнут точки, обозначающие реальные адреса фабрик и мастерских.

Цель данной статьи — показать и проанализировать особенности модной географии Москвы, ставшей шире и разнообразней за счет включения в нее фабричных локаций в период 1920–1930-х годов. Основная часть статьи состоит из подробного путеводителя по адресам фабрик, числившихся, согласно данным справочника «Вся Москва», при тресте «Москвошвей» в период с 1923 по 1936 год; включая те, что были переданы в ведение треста «Мосбелье» в 1932 году.

Московская швейная промышленность в условиях невидимости: вопросы исследования

Прежде чем раскрыть адреса фабрик, ставшие видимыми в период НЭПа, обратимся к вопросу о причинах того, почему их история осталась за рамками исследований, посвященных моде раннесоветского периода. Так, Джурджа Бартлетт подробно описывает принципы

работы Варвары Степановой, Любови Поповой, Надежды Ламановой и других художников, но не акцентирует внимания на фабричной составляющей: трест «Москвошвей» возникает в тексте лишь как учредитель «Ателье мод» (Бартлетт 2011: 45), об активном развитии треста в работе не говорится. Исследовательница отмечает, что, согласно воспоминаниям современников, «Дом моделей» специализировался на создании идеальной одежды, в то время как фабрики выпускали низкокачественную и неказистую одежду из тканей с устаревшим рисунком (Там же: 95–96). Журавлев и Гронов указывают на ведущую роль «Москвошвей» в организации швейной индустрии Московского региона, однако снова почти не уделяют внимания работе треста с массовым пошивом: их больше интересуют вопросы индивидуального пошива, которым занималось созданное на базе треста «Ателье мод» (Журавлев, Гронов 2013: 68). Отсутствие интереса к фабричному производству, на наш взгляд, объясняется невысоким мнением исследователей о его продукции. Тем не менее это такая же часть истории, как разработки Судакевич и Экстер, требующая отдельного изучения, вне зависимости от ее художественной оценки.

К вопросу фабричного и кустарного производства одежды и обуви в раннесоветский период обращается Наталия Лебина. Но ее работа не является книгой по истории моды, она посвящена нормам и аномалиям повседневности (Лебина 2015: 134, 150). Возможно, в этом и кроется ответ на вопрос, почему швейная индустрия оказывается мало освещена в работах по истории костюма: в отличие от разработок известных модельеров, массовая продукция не воспринимается как поле художественных экспериментов и оказывается за пределами сферы интересов исследователей моды, но привлекает внимание историков повседневности.

Именно в контексте истории повседневности название треста попадает на страницы художественной литературы 1920-х и 1930-х годов. Причем, как правило, «Москвошвей» был синонимом массовой, неиндивидуализированной и потому не слишком подходящей конкретному человеку одежды. Ярким примером служит поэтический текст Осипа Мандельштама:

Пора вам знать, я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвей, —
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать, —
Ручаюсь вам — себе свернете шею!

(Мандельштам 1990: 174).

Поэт характеризует через название треста целую эпоху. Топорщащийся пиджак становится в один ряд с манерой говорить и передвигаться, то есть фактически превращается в неотъемлемый атрибут телесности. А то, что пиджак плохо сидит, говорит о его неэсклюзивном происхождении, и, таким образом, понятие «века» в тексте можно дополнить значением «лишенного индивидуальности». «Москвошвей» ассоциировался не с индивидуальными заказами, а с поточной продукцией. Так, в фельетоне Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Директивный бантик», который, несмотря на жанровое своеобразие, содержит яркие художественные образы и метафоры, герой облачается в «тяжкие москвошвеевские штаны, мрачные, как канализационные трубы» (Ильф, Петров 1939: т. 3). На наш взгляд, в данном случае название треста уже носит здесь нарицательный характер.

Мы видим причину того, что история московской швейной промышленности оказалась вне сферы интересов историков костюма, в привычке трактовать феномен моды через классовую теорию и творческие биографии художников-модельеров. Фундаментальные исследования по истории костюма (Мерцалова 1972; Киреева 1976) приучают читателей искать моду на парадных портретах аристократии, и с XIX века — богатой буржуазии. Учебники по истории костюма, как правило, описывают модный процесс через нововведения модельеров, игнорируя техническую и практическую стороны индустрии.

Трактовка моды как социального явления возникла в начале XX века. Георг Зиммель видел в ней форму классового различия: «новая мода находит себе применение лишь в высших сословиях. Как только ее начинают перенимать низшие сословия, тем самым переходя поставленную высшими сословиями границу... высшие сословия сразу же отказываются от данной моды и принимают новую, которая позволяет им вновь дифференцироваться от широких масс» (Зиммель 1996: 271). Торстейн Веблен описывал сферу моды как самый показательный пример демонстративного потребления праздным классом материальных благ сверх нормы физического благополучия (Веблен 2022: 178). Особенное внимание он уделял модному костюму, который сам по себе уже сообщал о непричастности своего владельца к какому бы то ни было производительному труду: «изысканная одежда служит своему назначению не столько в силу дороговизны, но и на том основании, что олицетворяет праздность» (Там же: 180). Костюм женщины — представительницы праздного класса с элегантною шляпкой, обувью на французском каблуке и стесняющими движения юбкой и корсетом, по мнению Веблена, не только демонстрирует ее освобождение от труда, но и понижает ее жизнеспособность, что

опять-таки делает ее непригодной к работе (Там же: 181). Как показывает анализ модной иллюстрации начала XX века, на визуальном уровне также последовательно проводилась идея связи моды с представительницами праздного класса: так, в журнале «Модный свет» за 1904 год модели одежды изображены на женщинах, сидящих в парке, прогуливающих по улицам курортных городов или позирующих в своей гостиной (Модный свет 1904). В 1915 году, в разгар Первой мировой войны, тот же журнал, хотя отказывается от детальной прорисовки указанных выше локаций, изображая все модели в ряд на чистом фоне, но все равно использует сюжеты праздного времяпрепровождения: женщины изображены с зонтиками, книгами или цветами в руках, а модели подписаны как «модные визитные» или «грациозные вечерние» туалеты (Модный свет 1915).

Жиль Липовецкий в своем фундаментальном исследовании «Империя эфемерного» заявляет, что схема социальных различий, предложенная как ключ к пониманию моды, совершенно не способна объяснить главного: логику изменчивости, которая лежит в основе феномена моды (Липовецкий 2012: 11). При этом он следует привычной траектории и предлагает в качестве образцов исторических костюмов то, во что одевалась знать, то есть не отказывается от социального подхода в целом, хотя и предлагает искать причины и логику изменчивости в иных сферах. Его пример дает нам представление о том, как глубоко коренится привычка связывать феномен моды с праздным классом и роскошью. На наш взгляд, вытеснение самого предмета истории фабричного производства из сферы истории моды в сферу истории повседневности или социологии является следствием укорененности классового подхода в истории костюма.

Еще одна причина вытеснения состоит в том, что уже в начале XX века мода воспринималась двояко: и как доходный товар, и как отдельный вид искусства (Стил 2013: 86), создатели предметов высокой моды были скорее свободными художниками, чем ремесленниками в услужении господ. На лестнице у Ворта встречались представительницы буржуазии и аристократии, а лучшими проводницами новейших тенденций и вовсе были актрисы и дамы полусвета (Там же). Модельеры притягивали к себе всех, кто мог позволить себе их творения, не делая разницы в происхождении клиентов, ставя себя над условностями и этим тоже уподобляясь художникам. Они всячески подчеркивали свои связи с миром искусства. Так, Чарльз Фредерик Ворт позировал для портретов в костюме, отсылающем к артистическому бэкграунду: носил бант, берет и драпированные одежды, напоминающие костюм эпохи романтизма; его сын Жан Филипп,

впоследствии продолживший семейное дело, был учеником художника Камиля Коро (Ворт 2013). А платья Надежды Ламановой можно найти на портретах кисти Валентина Серова и Константина Сомова. В случае с творениями известных модельеров прошлого можно, на наш взгляд, говорить о присутствии вокруг них ауры, словами Вальтера Беньямина, их ценность основывается на ритуале, в котором они находили свое первоначальное значение (Беньямин 2019: 295).

Совсем иначе воспринимался конфекцион — готовая одежда, приобретаемая представителями среднего и низшего классов в универсаме, в лавке или вообще из рук приказчика на толкучем рынке. Эта относительно недорогая одежда внешне напоминала модели известных домов мод (Стил 2013: 90; Руан 2011: 99), позволяла женщинам из самых разных слоев общества приобрести к моде, однако не была овеяна аурой ни избыточного потребления праздного класса, ни подлинного произведения искусства. Таким образом, конфекцион оказался противопоставлен произведениям высокой моды и вытеснен из сферы модного. Именно конфекцион имеется в виду в рубрике «Платье готовое» и объединяет упомянутые выше локации и престижного Кузнецкого Моста, и маргинального рынка у Сухаревой башни. Как видим, готовая одежда могла продаваться в разных по своему бэкграунду районах города и быть разного качества, но пребывать в зоне невидимости.

Изменение режима видимости фабричных локаций в 1920-х годах

Итак, в отличие от творений мастеров высокой моды, чьи работы оказывались на страницах модных журналов или светской хроники, конфекционная продукция оставалась в тени. Кристин Руан пишет о двух сосуществовавших в дореволюционной России системах работы в швейной отрасли: архаичной и индустриальной. К архаичной относились портновские мастерские, работавшие на заказ, бравшие учеников и через четыре-пять лет выпускавшие их молодыми мастерами; эта система предполагала обучение ремеслу и возможность дальнейшего карьерного роста (Руан 2011: 43–46). Примером этой системы может служить история Феклы Гореленковой, в ранней юности поступившей в ученицы к Надежде Ламановой, а в зрелом возрасте работавшей модельером в Общесоюзном доме моделей одежды на Кузнецком Мосту.

Индустриальная система, напротив, не давала ни обучения, ни возможности роста: подрядчики нанимали людей, уже умевших шить,

на выполнение отдельных операций (обметка петель, подрубание подола, пришивание пуговиц). Швейники работали в тесных и душных «потогонных» мастерских без вывесок и опознавательных знаков (Там же: 100). Пожалуй, это была самая невидимая часть индустрии — и в правовом, и в географическом, и в творческом плане. В «потогонных» мастерских, по словам Руан, отшивали готовое платье, которое тоже было разным по качеству и продавалось как в респектабельных магазинах, так и на рынках.

Вернемся к приведенному выше примеру Садовнической улицы, где располагалось тринадцать заведений, числившихся в рубрике «Платье готовое». Исследовав сохранившиеся из указанных зданий, мы пришли к выводу, что в них, скорее всего, располагались дешевые мастерские, а местом сбыта их продукции был толкучий рынок. Эти здания представляют собой пример рядовой застройки второй половины XIX века, в два или три этажа, иногда с помещениями лавок на первом этаже и с небольшими окнами на последующих. С учетом невысокого престижа района, стоимость аренды помещений в таких домах могла быть небольшой, но и удобство в комнатах верхних этажей, где как раз и работали швеи, было минимальным. Карл Маркс писал о невыносимых условиях работы (иногда и жизни, если мастерицы оставались ночевать в том же доме) в «потогонных» мастерских: так, двадцатилетняя шляпница Мэри Энн Уокли умерла от переработки в июне 1863 года. Стараясь успеть завершить заказ в срок, она проработала подряд 26 часов без перерыва в душевной комнате вместе с тридцатью другими девушками (Magx 2020: 42). Похожую ситуацию на материалах старых газет описывает в очерке для журнала «Работница» Венедикт Март: в 1907 году в Казани в мастерской Р-ой был 18-часовой рабочий день без фиксированных перерывов на отдых; отдыхали девушки урывками, прогуливаясь у ворот мастерской. Узнав о том, что работницы жаловались на свое положение прохожим, хозяйка лишила их и этого отдыха. В другой мастерской работницы практически были лишены сна из-за объемов работы, а зарплата едва хватало на полуголодную жизнь (Март 1927: 8). Как видно из очерка Марта, число работниц в крупных дореволюционных мастерских могло доходить до четырехсот, и из подобных заведений впоследствии формировались швейные фабрики (Там же: 9). Это подтверждает наши предположения, что фабрики, после национализации вошедшие в трест «Московшвей», в дореволюционный период функционировали как швейные мастерские, часто с очень тяжелыми условиями труда, распространяться о которых работницам или прочим заинтересованным людям было запрещено.

В 1918 году был создан трест «Москвошвей», сыгравший большую роль в объединении, модернизации и укрупнении швейных предприятий Москвы (Трифонов 1923: 44). Все значимые фабрики, вошедшие в этот трест, как нам удалось выяснить при работе с адресными книгами, вели свою историю с дореволюционных времен. До национализации все они были частными, владельцы некоторых из них держали магазины и ателье, адреса которых покупатель мог легко найти в рубриках «Белье» и «Платье готовое» адресных книг. Но адреса мастерских, где отшивалась продукция, указаны там не были. Эта информация находилась косвенно и была, видимо, рассчитана на партнеров по бизнесу. Во время расцвета треста «Москвошвей» все невидимые до этого локации стали общеизвестными: адреса фабрик появились на страницах адресных книг, а в рекламных объявлениях треста начали указывать численность фабричного контингента. Вероятно, это был сигнал для соискателей работы, призыв присоединиться к коллективу. В результате модная география вышла за пределы центральной части города и включила в себя такие «немодные» в прошлом районы, как Таганский и Басманный. Трест «Москвошвей» успешно функционировал и всячески привлекал к себе внимание на протяжении всех 1920-х годов и в 1932 году так разросся, что был поделен на два. В составе «Москвошвей» осталось десять фабрик, специализирующихся на верхней, форменной и мужской одежде; а еще восемь фабрик и Дом моделей, занятых изготовлением белья, а также легкого женского и детского платья, выделились в особый трест «Мосбелье».

Мы связываем выход производственных локаций в зону видимости с двумя причинами: во-первых, пользователями адресных книг стали не только потенциальные покупатели товаров, но и работницы; и упоминания адресов, численности штата и имен руководителей фабрик могли выполнять роль рекламы работодателя для соискателя. Во-вторых, Октябрьская революция изменила соотношение сил между классами и повысила видимость рабочих и работниц в целом. Фигура работницы с начала 1920-х годов начала завоевывать себе место в искусстве: в виде фарфоровых статуэток, в графике и плакате, в живописи, в фотографии (Плунгян 2022).

Дзига Вертов использовал лица и фигуры работниц ткацкой промышленности наравне с образами машинисток, телефонисток и девушки-киномонтажницы в своей картине «Человек с киноаппаратом», подчеркивая роль этих женщин в механизации и даже сравнивая их тела с механическими аппаратами, с которыми они взаимодействуют (Кокберн 2023: 130). Революция положила начало

модернизации швейной промышленности. Если до революции под механизацией понималось наличие простейших швейных машин (Стриженова 1972: 10), то к середине 1930-х московские фабрики уже могли похвастаться наработками в области новейших технологий раскроя и пошива и наличием разнообразных станков как зарубежного, так и отечественного производства (Архангельский и др. 1935: 42). Вырос и творческий потенциал фабрик: они стали местом, где ищут себе применение современные художники. Варвара Степанова, сотрудничавшая с 1-й ситценабивной фабрикой, писала в статье для журнала «ЛЕФ», что эволюция моды зависит от развития индустрии (цит. по: Кокберн 2023: 125). Благодаря этим новым установкам на механизацию и рост творческого потенциала в 1920-х годах фабричные локации меняют свой статус: из маргинальных они становятся важными смыслообразующими точками на карте города.

Видимость фабричных локаций действительно стала выше: иллюстративный ряд общественно-политических изданий стал включать в себя изображения фабрик и цехов. К примеру, на обложке журнала «Работница» № 6 за 1928 год изображена группа мужчин и женщин в повседневной одежде, играющих в мяч на зеленой лужайке посреди фабричного ландшафта (Работница 1928, обложка). Костюмы играющих указывают на то, что это скорее работники и служащие, проводящие за игрой часть обеденного перерыва, чем организованная спортивная команда. А силуэты труб и кирпичные стены указывают на фабрично-заводскую специфику района. В этом же издании часто публикуются фотографии цехов швейных и трикотажных фабрик. Однако в сфере модной репрезентации 1920-х, 1930-х и начала 1940-х годов фабричные локации по-прежнему отсутствуют. Потребитель получал красивую картинку, на которой модели одежды были представлены в локациях, ассоциирующихся с отдыхом, городским фланированием, культурным и светским времяпрепровождением. В этом аспекте модная иллюстрация не сильно отошла от традиций дореволюционного периода. Но следует помнить, что у нее есть свои принципы. Еще в середине XIX века начал складываться канон, утвердивший подходящие места для изображения дамских мод. К ним относились учреждения культуры (картинные галереи, театры), ипподромы, а также парковые и пляжные пространства. Городской ландшафт стал приличным фоном модной фотографии лишь во второй половине XX века (Рокамора 2007: 222), а в период 1920–1930-х годов рисованная модная иллюстрация крайне аккуратно работала с этим сюжетом. Не являясь на семантическом уровне в полной мере тождественными французской и американской модной иллюстрации,

изображения мод из советских журналов довоенного времени все же следовали основным канонам жанра: модели изображались в тех же позах, на фоне похожих парковых и пляжных пейзажей или в интерьерах, заполненных почти одинаковой мебелью и предметами декоративного искусства. Неудивительно, что при таком усердном следовании канону, не оставалось возможности для введения в модную иллюстрацию столь новаторской и экзотичной локации, как фабричные цеха или хотя бы фасады промышленных зданий. Таким образом, на протяжении 1920-х, 1930-х и начала 1940-х годов фоном модных иллюстраций служат учреждения культуры: здание Большого театра (Костюм и пальто 1935: 27) или интерьеры метро, умение пользоваться которым тоже расценивалось как признак культурности (Костюм и пальто 1937: 7), и парковая инфраструктура (Московский дом моделей 1938: 10). Городские же улицы были представлены культовыми сооружениями, то есть памятниками архитектуры, такими как Триумфальная арка (Костюм и пальто 1935: 5), или монументами и малыми архитектурными формами. Здания конструктивистской архитектуры рубежа 1920–1930-х годов тоже изредка появлялись в модной иллюстрации и в сочетании с одеждой служили цели формирования облика современного города, упрочивая ощущение пространства и человека внутри него (Крю 2020: 21). Таким образом, модная индустрия по-прежнему старалась ассоциировать свою продукцию с локациями праздного потребления, а не локациями производства, избегая в модной иллюстрации не только фабрик, но и уличных пейзажей. Это избегание снова наталкивает нас на мысль о том, что история швейной промышленности стоит особняком и является скорее полем исследований историка повседневности, а не моды.

Видимая география

Приведенный ниже путеводитель по адресам фабрик треста «Московшвей» построен на основе данных из адресных книг и планов улиц Москвы за два десятилетия, что дает возможность проследить их историю на уровне диахронии. Естественно, что при подобном подходе мы оставляем лишь общую историческую канву и заметки, поясняющие некоторые историко-географические особенности исследуемых районов города. Адреса систематизированы по территориальному принципу: сперва рассмотрены локации внутри Садового кольца, а далее — Таганского, Басманного районов и разрозненные фабрики в других частях города. В конце списка фабрик каждого района даны выводы об особенностях его швейной промышленности

и историко-краеведческом контексте местности. В путеводителе даны современные названия районов и улиц; устаревшие наименования приведены в скобках (иллюстрации см. во вклейке 3).

В пределах Садового кольца

Никольский (до 1928 года — Юшков переулоч, далее — проезд Владимирова) переулоч, дом 9

До революции дом 9 по Юшкову переулочу принадлежал «Т-ву Петра Митрофанова». Дом указан как адрес заведения «Платье», числившегося в рубрике «Платье готовое». В книге «Вся Москва» за 1923 год фабрика уже обозначена в составе треста «Москвошвей» как Закройная фабрика № 3 (Вся Москва 1923: 210). В период с 1924 по 1936 год фабрика не фигурирует в адресных книгах, однако в 1936 году о ней дана исчерпывающая информация.

В том же здании с 1926 года располагается правление треста, а в 1936 году в книге «Вся Москва» здесь же анонсируется открытие демонстрационного зала. Фабрика в это время уже носит название «Опытно-техническая» и ведет научно-исследовательскую работу по созданию моделей верхнего мужского, дамского и детского платья (Вся Москва 1936: 203).

О демонстрационном зале есть и более конкретная информация: в 1936 году о нем упоминается в альбоме-справочнике моделей треста «Фасоны готового платья», которые предполагалось внедрить в низовую торгующую сеть, чтобы дать возможность покупателям делать предварительные заказы на те или иные фасоны (Альбом Фасоны 1936: 3). А в каталоге «Костюм и пальто» следующего года дано рекламное объявление с фотографией зала с подписью: «Посещайте сами, организуйте экскурсии и направляйте ваших друзей в демонстрационный зал новых моделей Москвошвей»; согласно рекламе, экспозиция менялась каждые пятнадцать дней, а с посетителями велись просветительские беседы об этикете в одежде и конструкторских особенностях моделей. Таким образом, с продукцией треста «Москвошвей» можно было познакомиться и по справочной литературе (помимо указанного выше альбома-справочника, дважды в год выходили малоформатные брошюры «Костюм и пальто»), так и живую, в демонстрационном зале.

На данный момент место, где было здание фабрики, находится на закрытой территории, проверить его сохранность не представляется возможным.

**Никольский (до 1928 года — Юшков, далее проезд
Владимирова) переулок, дом 3. Также адрес может
быть указан как Ипатьевский переулок, дом 4**

В 1916 году владение 3 по Юшкову переулку числится за купцом Александровым М. А. (Вся Москва 1916: 642). Не противоречит этому и информация 1927 года, когда в адресной книге «Вся Москва» были приведены имена бывших владельцев фабрик. Однако такого купца среди производителей платья в дореволюционной Москве не было, так что можно предположить, что фабрика была полностью перепрофилирована после национализации.

В составе треста «Москвошвей» фабрика числится уже в книге за 1923 год, а в 1924 году получает наименование «имени Коминтерна». Согласно данным книги, там производятся готовое платье и головные уборы, а заведует предприятием Шехман В. М., который в 1936 году уже указан как директор Опытно-технической фабрики треста (см. выше). В 1929 году контингент составляют 1400 рабочих и 171 служащий (Вся Москва 1929, отд. VII: 655). В 1936 году фабрика уже указана как закройная, производящая раскрой для всех фабрик треста.

Фабрика фигурирует под именем Центральной закройной фабрики треста «Москвошвей» в научно-техническом пособии «Технология массового производства одежды», часть 1, как очень успешное и прогрессивное производство: в пособии перечислены технические новинки, присутствующие на данной фабрике. Из описания следует, что к 1935 году закройный процесс в фабричных условиях был неплохо автоматизирован, использовалось большое количество машин, часть которых проходила постоянные испытания и дальнейшие усовершенствования (Архангельский и др. 1935: 42).

Как и фабрика в доме 9, эта на данный момент находится внутри закрытой территории. По картам видно, что фабричный комплекс снесен, на его месте находится здание 1970-х годов постройки.

Никольская (бывшая 25 Октября) улица, дом 10

До революции по этому адресу располагалось процветающее швейное предприятие Кандырина. Так, в адресной книге за 1916 год торговый дом «Кандырин М. А. с сыном и Ко» имеет не только производственные и торговые помещения на Никольской, 10, но и торговые точки в Верхних торговых рядах, в пассаже Солодовникова на Петровке, в Тверских Английских рядах, на Арбате и на Лубянке. Торговый дом Кандырина числится в рубрике «Белье» (Вся Москва 1916: 88).

В 1923 году фабрика фигурирует в составе треста «Москвошвей» как № 16 (Вся Москва 1923: 39), а в 1924-м получает наименование

«Красная швея». Здесь продолжается пошив белья, и к 1929 году числится 1575 рабочих и 102 служащих (Вся Москва 1929, отд. VII: 653). Впоследствии фабрика переходит в ведомство треста «Мосбелье», с тем же ассортиментом, но с новым номером — № 6. Таким образом, это пример фабричного производства, процветавшего до революции, национализированного и продолжавшего работать в том же товарном сегменте.

На данный момент снесен весь комплекс домов под номером 10, но в тех же границах построено новое здание, дающее представление о форме участка и объемах бывших здесь стросений.

Кузнецкий Мост, дом 8 (14)

Это значимый адрес для истории модной индустрии Москвы, потому остановимся на нем подробнее: с 1947 года в этом здании, уже обозначенном как № 14, располагался Общесоюзный дом моделей одежды. Однако его история раннесоветского периода не так хорошо изучена. А между тем в 1923 году по адресу Кузнецкий Мост, 8, располагается фабрика треста «Москвошвей». То, что в истории здания упускается целый период, связанный с деятельностью знаменитого треста, возможно, связано с путаницей в нумерации домов Кузнецкого Моста. Предлагаем разобраться в этой истории.

Судя по перечню домовладельцев в адресной книге «Вся Москва» за 1916 год, дом 8 ныне имеет номер 14, что связано с изменением нумерации на этой улице: до 1922 года она начиналась от Петровки, сейчас — от Большой Дмитровки. В 1917 году владение 8 принадлежит почетному гражданину Михайлову А. М. При сопоставлении старых и современных карт расположения бывшего владения 8 и современного дома 14 совпадают. К тому же никаких других владений за Михайловым на этой улице не числится, и преемственность подтверждается указанием Михайлова как бывшего хозяина фабрики «Москвошвей» в адресной книге 1927 года.

Фабрика по этому адресу значителен в составе треста «Москвошвей» с 1923 года, в 1924 году она получает порядковый № 9 и наименование «имени Смирнова». В 1927 году в здании находится фабрика головных уборов № 9, а также мастерская готового платья под тем же номером (рук. Гужонов). В 1930 году фабрика перепрофилируется на работу с мехом: в ассортименте указаны головные уборы: меховые шапки; и платье: меховая верхняя одежда. Учитывая тот факт, что дореволюционный владелец фабрики Михайлов был известнейшим московским меховщиком, можно поставить вопрос о памяти места: скорее всего, дом продолжал ассоциироваться у горожан с меховой

торговлей, что и повлекло за собой идею перепрофилирования. Однако возврат к дореволюционной специфике в производстве был недолгим, и в 1931 году здесь действует фабрика-школа № 5 на 1200 рабочих мест, специализирующаяся на дамском платье (Вся Москва 1931, отд. IV: 483). В 1932 году в телефонном справочнике Москвы по адресу Кузнецкий Мост, 14, помимо фабрики-школы, значится еще и контора торгсина (Краткий список 1932: 390). А в 1936 году дом исчезает из перечня адресов треста.

Это здание сохранилось и хорошо известно в контексте модной индустрии Москвы. В плане преемственности и сохранения памяти места интересно и то, что владельцы здания в постсоветскую эпоху не только бережно сохраняли лепной декор потолков здания, но и воссоздали знаменитый подиум, на котором проводились показы ОДМО. Вписать страницу о фабрике «Москвошвея» в историю этого дома было бы большой удачей.

Арбатский (до 1952 года – Годеиновский, Годеинский) переулоч, дом 3

В дореволюционных книгах этот адрес не значится ни в одной рубрике, имеющей отношение к швейной индустрии, а в составе треста «Москвошвей» впервые упоминается лишь в 1927 году в рубрике «Военное обмундирование», под № 13 и наименованием «Красная швея» (Вся Москва 1927, отд. III: 652). Годом ранее по этому адресу находилась фабрика «Промвоенхоза». Исходя из статьи, посвященной пятилетнему юбилею треста, написанной в 1923 году Павлом Трифоновым, одним из членов правления, «Москвошвей» имел тесные связи с военными ведомствами, так как изначально был создан в 1918 году для нужд Красной армии (Трифонов 1923: 44). По его словам, только три фабрики треста в те годы выполняли гражданские заказы, остальные были сосредоточены на военном обмундировании. Со временем, продолжает Трифонов, это соотношение сильно изменилось в пользу гражданского платья. История этой фабрики как раз иллюстрирует тенденцию.

В 1929 году фабрика переходит на выпуск готового платья, на ней числится 1435 рабочих и 105 служащих (Вся Москва 1929, отд. VII: 655). А в 1936 году уже под новым порядковым № 6 и наименованием «имени Шкирятова» она перепрофилируется на выпуск шерстяных брюк и галифе, мужских толстовок и костюмов для мальчиков (Альбом Фасоны 1936: 93). Так как галифе и толстовки относились на тот момент к сегменту спортивной одежды или одежды для отдыха,

возможно, это было причиной объединения производства данных предметов в рамках одного предприятия.

На данный момент здание фабрики снесено.

Малый Каретный (до 1922 года — Малый Спасский) переулоч, дом 13

Владения 11 и 13 в 1916 году принадлежали Альшвангу Я. И., чей торговый дом «Альшванг А. и Я. бр» занимался производством белья и торговлей бельем (Вся Москва 1916: 86), детским платьем и прочей текстильной галантереей: в частности, это наименование есть в рубрике «Галстуки». В адресной книге этот адрес числится как контора, а в качестве торговой точки указан дом 6 на Петровке — популярное место модной торговли. Позади конторы было построено большое современное здание фабрики, с широкими окнами в цехах, дающими свет для работы. Фабрика Альшванга после национализации попала в состав треста «Москвошвей» под № 5 (Вся Москва 1923, отд. III: 210). И, видимо, стала одной из самых хорошо оборудованных и успешных: в том же справочнике размещено рекламное объявление, анонсирующее по этому адресу работу фабрики-треста «Опытно-техническая швейная фабрика», принимающей заказы на массовый пошив и «создающей новые модели и формы» (Там же: обложка).

В 1929 году на фабрике числится 1287 рабочих и 83 служащих (Вся Москва 1929, отд. VII: 655). Согласно альбому «Фасоны готового платья», ассортимент фабрики составляли мужские шерстяные костюмы и брюки (Альбом Фасоны 1936: 93).

Здания конторы и фабрики сохранились до наших дней, равно как и жилые дома (вл. 17, с. 1, 2, 3), возведенные рядом с ними в 1927 году по проекту Олтаржевского. Все вместе создает цельный квартал, типичный для городской среды начала — середины XX века, где фабричные корпуса располагались по соседству с жилыми домами.

Именно эта фабрика упоминается как «наша пятая швейная фабрика» в песне Владимира Высоцкого «Диалог у телевизора» (1972–1973): юность артиста прошла в соседнем с фабрикой доме, о чем свидетельствует мемориальная табличка на доме 15. В данном случае мы снова имеем дело с памятью места и возможностью соединить дореволюционную историю с совсем недавней благодаря этому фабричному кварталу.

Садовническая улица, дом 75

Как уже упоминалось выше, Садовническая улица на отрезке между 29 и 48 домами была местом скопления предприятий готового платья.

Толкучий рынок располагался на месте нынешнего дома 35 (План 1903а или План 1903б; План 1915), то есть нынешнего здания РГУ имени Косыгина (Текстильного университета). Преемственность (или случайное стечение обстоятельств) в случае с этой локацией особенно поражает. Таким образом, улица, хотя и не считалась никогда частью «модного» ареала, фактически с начала XX века была тесно связана с производством массовой одежды.

В 1915 году на участке между Пупышевским переулком и Краснохолмским проездом располагалась крупная фабрика товарищества «Волк Г. и Ко» (План 1915), информация о которой дана в рубрике «Офицерские вещи» (Вся Москва 1916: 494). В составе фабрик треста «Москвошвей» фабрика по этому адресу появляется поздно: лишь в 1930 году. Она насчитывает всего 456 рабочих и именуется как «Отдельная бельевая» № 18 (Вся Москва 1930, отд. VI: 551). В 1931 году она уже полноценный член треста, и здесь производится стирка и глажка готового белья (Вся Москва 1931, отд. VI: 481). Позднее фабрика входит в состав треста «Мосбелье» как № 5 «Комсомолка» (Вся Москва 1936: 203).

На данный момент ни один из корпусов фабрики не сохранился — однако прямо к современному зданию во владении 75 примыкают дореволюционные сооружения типа фабричных гаражей под № 73 с. 1А.

На этом завершается обзор фабрик, находящихся в пределах Садового кольца. Среди них есть и те, что до революции принадлежали известным торговым домам, связанным с изготовлением готового платья, офицерских вещей, меховых изделий и белья; есть и те, чьи корни пока не удалось проследить. Пожалуй, большинство фабрик с длинной дореволюционной историей расположено именно здесь: далее мы рассмотрим лишь одно предприятие, имевшее торговое представительство в «модном» ареале города, в то время как из рассмотренных выше и Кандырин, и Альшванг, и Михайлов, и Т-во «Платье» были представлены либо в популярных пассажах, либо имели собственные точки сбыта на Тверской, Петровке, Ильинке, Никольской, Кузнецком Мосту.

Но есть и отрицательная тенденция: в отличие от фабрик, расположенных вдали от центра, эти фабрики практически не дошли до нас. Единственная продолжившая работу вплоть до 1990-х годов — швейная фабрика № 5. В виде ОДМО прославился в послевоенный период дом Михайлова. Владение на Садовнической хотя и не уцелело,

но структура его участка видна, к тому же поблизости есть другие реконструированные фабричные здания, что помогает хотя бы мысленно восстановить образ места. А вот адресам в районе Ильинки, Никольской и Арбата не повезло: как минимум три из четырех уничтожены, и так, что нет возможности даже представить себе границы участков. Но самая большая потеря — это невозможность проверить сохранность здания в Никольском переулке, где располагалась опытно-швейная фабрика, правление треста и демонстрационный зал: на данный момент территория переулка закрыта, и на картах «Гугла» и «Яндекса» отсутствует нумерация домов и возможность панорамного просмотра этого участка. Это делает невозможным понимание целостной картины географии московских швейных фабрик.

Таганский район

Марксистская (Пустая) улица, дом 20

В 1916 году участком на пересечении Пустой и Гендрикова переулков владел Григорьев А. Г., но на 1917 год в рубриках, связанных с изготовлением готового платья, военного обмундирования и портновскими мастерскими, такого имени не найдено. В составе треста «Московшвей» фабрика по этому адресу впервые числится в 1927 году, № 15, наименование «Красный воин», предыдущим ее управлением, как и в случае с фабрикой в Арбатском переулке, указан «Промвоенхоз» (Вся Москва 1927, отд. III: 653). В 1929-м фабрика перепрофилируется на спецодежду (Вся Москва 1929, отд. VII: 656), а в 1930-м — на крестьянское платье (Вся Москва 1930, отд. VI: 553). Если переход с военного обмундирования на спецодежду это распространенный ход, то вот крестьянским платьем больше никакая другая фабрика не занималась. Впрочем, контингент ее был небольшим: всего 584 рабочих и 82 служащих, а далее адрес не фигурирует в составе треста.

Несмотря на малоинтересную историю самого предприятия, этот промышленный комплекс может дать представление о том, как выглядела фабрика в первой трети XX века. Он хорошо сохранился в плане структуры и открыт для посещения. При осмотре сразу бросается в глаза характерный для промышленной архитектуры начала XX века облик: два трехэтажных корпуса по линии улицы с воротами между ними, соединены теплым переходом на уровне второго этажа. Слева и справа корпуса протянуты вглубь владения, и доступны к осмотру по линии Маяковского переулков.

Гончарная набережная, дом 9 (37)

В 1916 году по адресу Гончарная набережная, дом 37, значится фабрика торгового дома «Лясковский Р. и Ко», также имевшего склады и торговое помещение в Гостином Дворе. Предприятие занималось военным обмундированием (Вся Москва 1916: 433).

В 1923 году фабрика на Гончарной набережной, 37, входит в трест «Москвошвей» под № 23 (Вся Москва 1923, отд. III: 210) и спустя год получает наименование «Красный воин» (Вся Москва 1924, отд. III: 27), а в 1926 году — новый порядковый № 8 (Вся Москва 1926, отд. III: 747). Адресная книга за 1927 год подтверждает преемственность этой фабрики от предприятия Лясковского: бывший владелец указан в скобках (Вся Москва 1927, отд. III: 654). Ассортимент фабрики в период с 1923 по 1929 год в основном сводился к военному обмундированию, прозодежде и спецодежде. В 1930 году контингент фабрики значительно вырос (до 1260 рабочих), а в рубрикатор ассортимента добавились головные уборы (Вся Москва 1930, отд. VI: 552), что позволяет предположить слияние нескольких предприятий в одно.

На данный момент на месте, совпадающем по картам с владением Лясковского (План 1903а или План 1903б), сохранилось несколько промышленных зданий дореволюционной постройки. Большая часть участка фабрики ныне занята новым Краснохолмским мостом.

Товаришеский (Дурной) переулок, дом 4

Фабрика находится в исторически старообрядческом районе: это была территория Рогожской части. В 1916 году участком владеет «Т-во И. Е. Сумина и Ко», занимавшееся мануфактурным товаром и имевшее лавку на Большой Алексеевской улице, дом 2 (Вся Москва 1917: 367). Адрес фабрики в публичном пространстве не фигурирует.

Фабрика упомянута в составе треста «Москвошвей» в 1923 году (Вся Москва 1923, отд. III: 210) под № 1, спустя год получила наименование «имени Володарского» (Вся Москва 1924, отд. III: 26), но впоследствии в адресных книгах в отношении к тресту не упоминалась вплоть до 1936 года, где она уже числится под № 8 в составе треста «Мосбелье» (Вся Москва 1936: 203). Здание фабрики сохранилось. Оно практически держит красную линию переулка по нечетной стороне. Еще в 1970-х годах тут было швейное производство, и очень отраднo, что локация по-прежнему связана с модной индустрией: в угловой секции здания расположен модный магазин.

**Большой Полуярославский,
дом 2/Костомаровский переулок, дом 3
(Полуярославский переулок, дом 12)**

Это одна из крупнейших фабрик треста. Владение связано со швейной индустрией с дореволюционного времени: в 1916 году по этому адресу числятся обмундировавшая мастерская товарищества «Мандль и Райнц» (Вся Москва 1916: 433) и фабрика «Акционерного общества Марс». В 1923 году она значится в составе треста «Москвошвей» под № 31 (Вся Москва 1923, отд. III: 210), потом получает наименование «имени Клары Цеткин» (Вся Москва 1924, отд. III: 27), а далее упоминается под № 10 (Вся Москва 1926, отд. III: 747). Эти номер и наименование остаются за фабрикой до конца исследуемого периода (Вся Москва 1936: 204). Это крупнейшая фабрика треста: в 1931 году на ней трудятся 3500 человек (Вся Москва 1931, отд. VII: 482).

Любопытен ассортиментный ряд фабрики: после того как здесь закончили выпуск военного обмундирования и спецодежды (именно так обозначен ассортимент вплоть до 1930 года), фабрика перешла сперва на мужское платье: пальто, плащи и брюки (Вся Москва 1930, отд. VI: 552), а далее к этому ассортименту добавилось изготовление формы НКПС. В альбоме «Фасоны готового платья» указана еще одна необычная позиция: пелеринки для девочек прорезиненные (Альбом Фасоны: 93): более этот вид продукции нигде не встречается.

Здание фабрики было перестроено: его можно рассмотреть на фотографии 1983 года (Госкаталог): примечательно, что название «имени Клары Цеткин» тогда по-прежнему было актуально. Сейчас в здании располагаются офисы.

**Малая Андроньевская (Малая Красногвардейская)
улица, дом 20**

В адресной книге 1927 года значится, что эта фабрика — бывшая Эстрова (Вся Москва 1927, отд. III: 652). В 1923 году она упоминается в составе треста «Москвошвей» под № 20 по адресу Малая Красногвардейская улица (Вся Москва 1923, отд. III: 210) — это название продержалось совсем недолго. Спустя год фабрика получила новый номер № 4 и наименование «имени Смирнова» (Вся Москва 1924, отд. III: 26). До 1929 года фабрика указывается в рубрике «Белье», а потом перемещается в рубрику «Платье» (Вся Москва 1929, отд. VII: 655) и уже год спустя переходит на пошив пальто (Вся Москва 1930, отд. VI: 553). Согласно альбому «Фасоны готового платья», в 1936 году ассортиментный ряд фабрики составляют пальто для мальчиков и девочек дошкольного и школьного возраста, а также бушлаты

(Альбом Фасоны 1936: 93). Контингент фабрики в 1929 году состоял из 1521 рабочего и 88 служащих (Вся Москва 1929, отд. VII: 655).

На данный момент исследуемый участок действительно занимает здание с ярко выраженными элементами дореволюционной промышленной архитектуры.

На этом завершается обзор фабрик Таганского района, вошедших в состав треста, и есть ряд общих тенденций, на которые хотелось бы указать. Во-первых, многие из них либо выросли из дореволюционных обмундировальных мастерских, либо перешли на пошив обмундирования в период Гражданской войны: это роднит фабрики на Марксистской, Гончарной, в Полуярославском с фабрикой на Садовнической, которая тоже тяготеет к Таганскому району, хотя и расположена в пределах Садового кольца. Во-вторых, часть из них находится в землях Рогожской части и, можно предположить, до революции имела связи со старообрядческой общиной. Проследить генетику этих фабрик было труднее всего: скажем, Миронова или Григорьев, владельцы участков на Марксистской и Малой Андроньевской, никак более не фигурируют в адресных книгах, а поиск Сумина занял приличное время, так как нигде внутри рубрик не был указан адрес фабрики. Можно предположить, что старообрядцы Рогожской части не были склонны афишировать свое состояние.

Что касается современного состояния зданий, оно разнообразное. Уцелели дореволюционные постройки на Марксистской, в Товарищеском, на Гончарной и Малой Андроньевской; уцелело здание позднесоветского периода в Большом Полуярославском. Это говорит о том, что фабрики активно использовались и часто приспособлялись к новым условиям труда и новым мощностям. Можно сказать, что они действительно жили и менялись вместе с городом и его потребностями.

Басманный район

Каланчевская улица, дом 17

Именно эту фабрику указывает в своей истории АО «Большевичка», а фотография ее здания красуется на сайте компании. Однако дореволюционной истории у этой фабрики нет: в 1917 году на этом участке значится склад известного чаепромышленника Перлова С. В. (Вся Москва 1917, алфавитный список улиц города Москвы: 210).

Фабрика треста «Москвошвей» появляется по этому адресу позже всех — в 1930 году. И сразу получает № 17 и наименование

«Большевичка» (Вся Москва 1930, отд. VI: 552). Необычно в ее истории то, что контингент сразу собирается большой: в 1931 году здесь трудятся 2260 рабочих (Вся Москва 1931, отд. VI: 482), а спустя два года после открытия она получает порядковый № 2 и ее ассортиментный ряд указывает на высокую квалификацию рабочих: здесь работают по индивидуальным заказам (Вся Москва 1936: 203), а в альбоме «Фасоны готового платья» упомянута «продукция повышенного качества: пальто и костюмы мужские, брюки шерстяные» (Альбом Фасоны 1936: 93).

Плетешковский переулоч, дом 4

В 1916 году это владение принадлежит Яузскому отделению Дамского попечительства о бедных, которое строит тут здание по проекту архитектора Залесского для Сергиевского профессионального училища (Вся Москва 1916, учреждения правительственные и частные: 418). Сюда поступали девочки после окончания начальных школ, а выпускницы получали право претендовать на должность учительницы рукоделия. При училище имелись две мастерские: портновская и белошвейная, проходить обучение в которых могли и приходящие ученицы. Звание учительницы рукоделия — самое распространенное из тех, которые получали выпускницы московских городских училищ.

В 1924 году в Плетешковском переулке (номер дома не указан) значится Швейная школа-фабрика № 3 (Вся Москва 1924, отд. II: 96), одна из трех на весь город. Но к 1929 году, согласно адресной книге, система учебных специальных заведений швейного профиля становится намного шире: за эти пять лет появились школы ФЗУ при фабриках и профессиональные учебные мастерские, рассчитанные на подростков (они фактически продолжают традиции ремесленной подготовки детей для будущей кустарной работы), а также школы-фабрики и профкурсы повышения квалификации (возраст обучающихся может быть разным). В Плетешковском переулке находится Швейная школа-фабрика № 2 имени Крупской (Вся Москва 1929, отд. II: 237). В 1932 году учреждение упоминается как (школа) ФЗУ (фабрично-заводского ученичества) «Москвошвей» (Краткий список: 390), то есть образовательная функция его сохраняется.

Функция меняется лишь в 1936 году, когда по этому адресу уже находится фабрика № 9 «имени Крупской» (Вся Москва 1936: 204), со школой ФЗУ (Вся Москва 1936, культурно-просветительные учреждения: 387). Согласно данным альбома «Фасоны готового платья», в 1936 году фабрика выпускала женские пальто повышенного качества и костюмы для школьников (Альбом Фасоны 1936: 93).

На данный момент здание по проекту архитектора Залесского сохранилось и даже считается достопримечательностью района. Фасад его раскрывает изначальную функцию как ремесленного училища: окна большие и расположены достаточно часто, чтобы освещать учебные классы. История этого здания может послужить отличным примером для рассказа о формировании профессионального женского образования в России.

Бакунинская (Покровская) улица, дом 71

До революции эта фабрика принадлежала торговому дому «Тимашев Мих. и Ко», специализировавшемуся на вышивке (Вся Москва 1916: 112) и белье (Там же: 90). Примечательно, что в рубрике «Вышивки» владелец указывает адрес этой фабрики, склада и еще одного заведения в селе Всехсвятском, а в рубрике «Белье» — только торговые точки в престижных Верхних торговых рядах и Солодовниковском пассаже. Возможно, на фабрике производился лишь ограниченный круг работ, связанных с вышивкой.

В пользу этой версии говорит тот факт, что в 1923 году фабрика входит в состав треста «Москвошвей» как № 19, «механической вышивки» (Вся Москва 1923, отд. III: 53), и упоминается в рубрике «Вышивка» вплоть до 1930 года. В 1924 году она получает наименование «Рассвет» (Вся Москва 1924, отд. III: 27), которое сменится на новое — «имени Кагановича» в 1931 году одновременно с перефилированием производства на платье и спецодежду. Теперь она специализируется на пошиве дамского платья, ее контингент составляет всего 800 человек. С образованием треста «Мосбелье», она переходит в него (Вся Москва 1936: 203).

В середине 1970-х годов этот адрес все еще значился в сфере швейной промышленности: его можно найти на навесных бирках швейной фабрики «Москвичка». На данный момент участок, в начале XX века принадлежавший Тимашеву, занят семиэтажным нежилым зданием 1984 года постройки (Moscowmap). Но в той части владения, которая выходит в Переведеновский переулок, сохранился небольшой кусок дореволюционного фабричного корпуса с характерным кирпичным оформлением — это призрак города, хранящий следы прошлого, удивляющий современных прохожих одновременно и своей неуместностью среди новостроек, и радостью узнавания чего-то знакомого с детства, но вытесненного из памяти, как описывает призрак города Мишель де Серто. Это последняя стена, помнящая времена торгового дома «Тимашев Мих. и Ко».

Малая Красносельская улица, дом 1

Фабрика числится в составе треста уже в адресной книге 1923 года, под № 18 (Вся Москва 1923, отд. III: 210); в 1924 году получает наименование «Возрождение», которое продержится до начала 1930-х годов. Между 1932 и 1936 годами фабрика получила новое наименование — «имени Тельмана». Сохранился фотоснимок начала 1930-х годов, где на трехэтажном фабричного типа здании вывешен транспарант с требованием вырвать Тельмана из рук фашистов (Retro View of Mankinds Habitat), но поскольку сейчас территория в начале Малой Красносельской улицы закрыта, нет возможности установить доподлинно, является ли здание с транспарантом зданием бывшей фабрики или нет.

Фабрика значится во всех адресных книгах исследуемого периода, с 1925 по 1928 год она специализировалась на спецодежде. В 1929 году ее контингент не слишком большой: 820 рабочих и 51 служащий (Вся Москва 1929, отд. VII: 655). В альбоме «Фасоны готового платья треста „Москвошвей“» 1936 года фабрика числится под № 7 и «имени Тельмана», ее ассортимент составляют: пальто женские и мужские шерстяные, а также пальто для НКПС и НК-связи (Альбом Фасоны 1936: 93).

На этом завершается обзор фабрик Басманного района, вошедших в трест «Москвошвей». Все владения хорошо прочитываются как минимум на карте города, большинство же можно посетить: пусть и в перестроенном в позднесоветское время виде до нас дошли фабрики «имени Клары Цеткин» и «имени Кагановича»; здания в Плетешковском переулке и на Каланчевской улице сохранились с начала XX века.

Расположение в районе, где сплетены железнодорожные пути самых разных направлений, находятся крупнейшие вокзалы города и дом Министерства путей сообщения, наложило свой отпечаток на ассортимент фабрик в 1930-х годах: в Большом Полуярославском и на Малой Красносельской в ассортимент входили форменные костюмы НКПС.

Интересна судьба бывшей фабрики Тимашева, имевшей уклон в сторону вышивки и сохранившей его после национализации. Характерно и то, что здание бывшего профессионального училища превратилось в школу фабрично-заводского ученичества. Правда, к середине 1930-х годов эти фабрики подвергаются унификации и далее описываются в рамках стандартных рубрик.

В целом район хорошо сохраняет память об инфраструктуре треста. Неподалеку от Бакунинской, 71, сохраняются корпуса 1-й пуговичной

фабрики треста (бывшей Ронталлер); буквально недавно были снесены корпуса фабрики металлической фурнитуры на бывшей Иррининской улице.

Прочие фабрики треста «Москвошвей»

На севере и северо-западе Москвы было расположено еще несколько значимых фабрик треста. Они никак не связаны между собой по территориальному или логическому принципу, но, безусловно, заслуживают упоминания.

Сушевская улица, дом 27

В адресной книге 1929 года значится, что ранее эта фабрика принадлежала Интендантскому ведомству (Вся Москва 1929, отд. III: 655). В составе треста «Москвошвей» она с 1923 года (Вся Москва 1923, отд. III: 210), в 1924-м получила наименование «Красная Оборона» (Вся Москва 1924, отд. III: 27). В 1930 году это было крупное производство на 2500 человек, специализирующееся на мужских пальто (Вся Москва 1930, отд. VI: 552).

Фабрика перешла в трест «Мосбелье» сразу, как он был создан, и получила порядковый № 2 (Краткий список: 375). Это уникальный случай, когда такое объемное производство, с опытом пошива обмундирования и верхней одежды, оказалось перепрофилированным и переведенным в трест, специализирующийся на пошиве легкого платья и белья.

Новослободская улица, дом 43 (Петровско-Разумовский проезд, дом 1/8)

В адресной книге 1927 года указано, что ранее эта фабрика была мастерской Бутырской тюрьмы (Вся Москва 1927, отд. III: 653) и располагалась по соседству с ней. Фабрика вошла в трест в 1923 году (Вся Москва 1923, отд. III: 210) под № 3, а спустя год получила наименование «имени Андреева» (Вся Москва 1924, отд. III: 26). Удивительны данные о том, что в период между 1929 и 1930 годами контингент фабрики вырос более, чем в восемь раз, составив 1735 человек (Вся Москва 1930, отд. VI: 552) против 213. Точная дата смены адреса неизвестна, но в 1936 году фабрика числится уже в Петровско-Разумовском проезде, в ее ассортименте — пальто для девочек дошкольного и школьного возраста, женские костюмы и жакеты, а также мужские и женские пальто (Альбом Фасоны: 93). На данный момент ни одно из зданий фабрики не сохранилось.

Верхний Предтеченский переулок, дом 11

В 1917 году этим участком владеет некая Беляева. Фабрика долго значится как кооперативная, и лишь в 1929 году входит в состав треста «Москвошвей» под № 16 (Вся Москва 1929, отд. VII: 655). В 1936 году она уже значится в составе треста «Мосбелье», где получает № 4 и наименование «имени 8 Марта» и занимается производством детского нижнего платья (Вся Москва 1936: 203).

Во владении сохранилось два старинных дома: корпуса 1 и 4, второй из которых имеет в основе усадебную постройку. Дома заброшены и многие годы пребывают в состоянии вялотекущего ремонта.

1-й Тружеников (Воздвиженский) переулок, дом 14

Это важный для истории московской модной индустрии адрес: во-первых, район Хамовники известен несколькими крупными текстильными предприятиями: «Красная Роза», «Ливерс». К тому же по соседству с этой фабрикой была еще одна, некоторое время входившая в состав треста «Москвошвей», на Погодинской улице, дом 18/20. Районом с сильной текстильной индустрией Хамовники стали благодаря своему расположению на берегу Москвы-реки.

Фабрика в 1-м Воздвиженском переулке появилась в составе треста поздно, в 1927 году, зато сразу с наименованием «Труд» (Вся Москва 1927, отд. III: 653). Удивительно, что вскоре название фабрики легло в основу переименования всего переулочка, и он стал 1-м Труженниковым. Ассортимент фабрики был разнообразным: от военного обмундирования до белья. Так, в 1929 году тут шили, в частности, толстовки и косovorотки, а штат достигал 920 рабочих (Вся Москва 1929, отд. VII: 655). В 1936 году фабрика окончательно переходит на пошив белья и становится частью треста «Мосбелье» (Вся Москва 1936: 203).

Заключение

Исследование географии московской швейной индустрии находится на стыке различных дисциплин: теории моды, истории повседневности, краеведения. Данная статья видится нами лишь как первый шаг к изучению истории этого (не)видимого поля. Составление путеводителя мы понимаем как попытку фиксации карты местности, которая, несомненно, понадобится в процессе исследования других проблем этого поля.

В дальнейшем исследование вопросов видимости и невидимости работников швейной индустрии может быть трактовано через

гипотезу Эллен Сэмпсон о существовании отношений «слияния-отчуждения» между одеждой и теми, кто ее изготавливает или носит (Сэмпсон 2018: 74). По мнению исследовательницы, личность производителя, как правило, остается в тени, в то время как нельзя отрицать ее влияния как на сам предмет, так и на носителя в ситуации использования этого предмета. В случае с московскими швейными фабриками первой трети XX века мы имеем дело, конечно, не с одним конкретным производителем, а с десятком разных исполнителей, связанных между собой институциональными связями. В конце 1920-х годов на фабриках шел процесс перехода к конвейерной системе работы, что нашло отражение в дискуссиях на страницах журнала «Работница». Новая система «сплотила работниц и заставила следить за качеством работы друг друга» (Е.С. 1927: 13), так как каждая работница теперь выполняла лишь одну операцию (Март 1927: 9). Предмет проходил через сотни рук: от закройщиков до гладильщиц, в цехе которых тоже была введена конвейерная система: одна мастерица отглаживала только манжеты, другая лиф предмета (Елена 1927: 11). Здесь мы можем говорить о коллективном производителе одежды, частью которого вместе с работницами являлись и администрация, и служащие, и художники, чтобы исследовать отношения между одеждой и ее изготовителями.

В этом смысле понимание географии швейной индустрии, знание адресов фабрик и представление об их структуре (этажности, степени освещенности помещений, удаленности или близости к домам работниц и так далее) дает возможность более объемно представлять процесс изготовления одежды.

Литература

В указаниях источников в тексте статьи читать следующее:

Вся Москва 1916: 949 — Адресная книга «Вся Москва», год 1916 или 1917, последняя цифра обозначает столбец в разделе «Торгово-промышленные предприятия Москвы и ее пригородов», если не указан иной раздел. С 1923 года названия разделов заменены римской нумерацией.

Вся Москва 1923: 210 — Последняя цифра указывает на столбец, а не страницу. Постраничная нумерация появилась в справочниках только с 1924 года.

Альбом Фасоны 1936 — Фасоны готового платья треста Москвошвей: весна — лето 1936. М.: Госшвейсбыт, 1936.

Архангельский и др. 1935 — Архангельский Н. А., Пудник Ф. П., Русаков С. И., Серяков Н. П. Технология массового производства одежды. Ч. 1. М.; Л.: Гизлегпром, 1935.

Бартлетт 2011 — Бартлетт Дж. Fashion East: призрак, бродивший по Восточной Европе. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Беньямин 2019 — Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости / Судьба и характер. СПб.: Азбука, 2019. С. 284–329.

Веблен 2022 — Веблен Т. Теория праздного класса. М.: АСТ, 2022.

Ворт 2013 — Ворт Ч. Ф. Век моды. М.: Этерна, 2013.

Вся Москва 1916 — Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1916 год. М.: Т-во А. С. Суворина Новое время, 1916.

Вся Москва 1917 — Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 год. М.: Т-во А. С. Суворина Новое время, 1917.

Вся Москва 1923 — Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1923 год. М.: Государственное издательство, 1923.

Вся Москва 1924 — Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1924 год. М.; Пг.: Государственное издательство, 1924.

Вся Москва 1926 — Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1926 год. М.: Издательство МКХ, 1926.

Вся Москва 1927 — Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1927 год. М.: Издательство Московского коммунального хозяйства, 1927.

Вся Москва 1929 — Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1929 год. М., 1929.

Вся Москва 1930 — Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1930 год. М.: Мосрекламсправиздат, 1930.

Вся Москва 1931 — Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1931 год. М.: Издательство Мособлисполкома, 1931.

Вся Москва 1936 — Вся Москва. Адресно-справочная книга на 1936 год. М.: Московский рабочий, 1936.

Госкаталог — Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19107118 (по состоянию на 09.09.2024).

Е. С. — Е. С. Улучшая производство — готовятся к обороне // Работница. 1927. № 26. С. 13.

Елена 1927 — Елена. Спорный вопрос // Работница. 1927. № 17. С. 11.

Журавлев, Гронов 2013 — Журавлев С., Гронов Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. М.: ИРИ-РАН, 2013.

Зиммель 1996 — Зиммель Г. Мода / Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996.

- Ильф, Петров 1939* — Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Советский писатель, 1939. ilf-petrov.ru/books/item/fo0/s00/z00000006/sto53.shtml (по состоянию на 18.10.2024).
- Киреева 1976* — Киреева Е. В. История костюма. Европейский костюм от Античности до XX века. М.: Просвещение, 1976.
- Кокберн 2023* — Кокберн Д. Olivetti и недостающее третье: мода, работающие женщины и образ «механофланерки» в 1920–1930-х годах // Теория моды: одежда, тело, культура. 2023. № 68. С. 107–163.
- Костюм и пальто 1935* — Костюм и пальто. 1935. № 1. М.: КОИЗ, 1935.
- Костюм и пальто 1937* — Костюм и пальто: осень — зима 1937/38, сокращенный выпуск. М.; Л., 1937.
- Краткий список 1932* — Краткий список учреждений, предприятий, фабрик и заводов гор. Москвы. М.: Связьтехиздат, 1932.
- Крю 2020* — Крю Л. Территории моды: потребление, пространство и ценность. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Лебина 2015* — Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Липовецкий 2012* — Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Макдауэлл 2023* — Макдауэлл Ф. «Старый глянец» и «новая» история: мода, одежда и историческое пространство // Теория моды: одежда, тело, культура. 2023. № 69. С. 153–174.
- Мандельштам 1990* — Мандельштам О. Стихотворения, переводы, очерки, статьи. Тбилиси: Мерани, 1990.
- Март 1927* — Март В. Прежде и теперь // Работница. 1927. № 36. С. 8–9.
- Мерцалова 1972* — Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов: В 4 т. Т. 3–4. М.: Академия моды; СПб.: Чарт Пилот, 2001.
- Модный свет 1904* — Модный Свет. 1904. № 19.
- Модный свет 1915* — Модный Свет. 1915. № 2. С. 5–10.
- Московский дом моделей* — Московский дом моделей: весна — лето 1938. М.: Гизлегпром, 1938.
- План 1903а* — План города Москвы с указанием крепостных номеров владений. 1903. retromap.ru/forum/viewtopic.php?p=17176 (по состоянию на 08.09.2024).
- План 1903б* — План Рогожской части лист 1. 1903. Приложение к адрес-календарю на 1904 год «Вся Москва». retromap.ru/13190327_z1b_55.739928,37.658386 (по состоянию на 09.09.2024).
- План 1915* — План города Москвы с пригородами. Издание Т-ва А. С. Суворина Новое время, 1915. retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=87 (по состоянию на 09.09.2024).

План 1934 — План Дзержинского р-на г. Москвы. 1934. retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=6061 (по состоянию на 09.09.2024).

Плунгян 2022 — Плунгян Н. Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917–1939 годов. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022.

Работница 1928 — Работница. 1928. № 6.

Рокамора 2007 — Рокамора А. Женщина в толпе: прохожая, мода и городское пространство // Теория моды: одежда, тело, культура. 2007–2008. № 6. С. 215–232.

Руан 2011 — Руан К. Новое платье империи: история российской модной индустрии, 1700–1917. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Стил 2013 — Стил В. *Femme fatale*: парижская мода и визуальная культура на рубеже XIX–XX веков // Теория моды: одежда, тело, культура. 2013. № 28. С. 85–104.

Стриженова 1972 — Стриженова Т. Из истории советского костюма. М.: Советский художник, 1972.

Сэмпсон 2018 — Сэмпсон Э. Слияние и отчуждение: одежда, ее создатель, потребитель, отношения «я и не-я» в контексте модных практик // Теория моды: одежда, тело, культура. 2018. № 49. С. 73–101.

Трифонов 1923 — Трифонов П. Промышленность и художественное производство: пять лет деятельности Московшвей // Ателье мод. 1923. № 1. С. 44–45.

Marx 2020 — The Murderous, Meaningless Caprices of Fashion / Evans C., Vaccari A. (ed.) Time in Fashion. Bloomsbury Visual Arts, 2020. P. 41–43.

Moscowmap — Moscowmap: справочно-информационный портал о Москве. www.moscowmap.ru/streets/bakuninskaya-ulitsa/dom-71.html (по состоянию на 09.09.2024).

Retro View of Mankinds Habitat — Retro View of Mankinds Habitat. pastvu.com/p/78482 (по состоянию на 09.09.2024).